

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН
В ПЕЧАТИ ПРИ ВИТЕБСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ В 1953-1987 гг.

А.А. КОЗЛОВ

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Посвящена деятельности Управления по охране государственных тайн при Витебском облисполкоме в 1953–1987 гг. Нахождение Витебского обллита при облисполкоме было достаточно формальным, т. к. обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае возникновения спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. Деятельность Витебского обллита была направлена не только на реальную охрану государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, телевидения, музеев, библиотек именно с этих позиций.

Ключевые слова: политическая цензура, «вычерки», обллит.

Введение. Существование цензуры в СССР всегда было покрыто ореолом таинственности. Официально не существовавшая в стране, а на самом деле пронизывавшая все советское общество, она имела значительное влияние. Понятно, что в любом государстве далеко не вся имеющаяся информация поддается гласности. Однако в СССР контроль органов политической цензуры был тотальным.

Необходимость исследования данной темы приобретает также особую важность в связи с той ролью, которую играет цензура в вопросах, связанных с проблемами свободы творчества или права власти на доступ к информации, которая напрямую затрагивает интересы простых граждан, а самих граждан – к той информации, которую государство намеренно от них скрывает. И разброс общественного мнения может быть очень широк: от резко отрицательного отношения к цензуре до необходимости этической или художественной цензуры. Ещё больше эта проблема актуализировалась из-за возможностей Интернета. Таким образом, дальнейшее развитие общества требует изучения проблем цензуры.

Среди работ, посвященных теме политической цензуры в СССР, можно выделить работы российских исследователей А. Блюма, Т. Горяевой, М. Зеленова и др. Белорусские исследователи обращались к этой теме реже, нежели их российские коллеги. История политической цензуры нашла отражение в работах А. Гужаловского, В. Матоха, В. Ракашевича и др. Однако большинство исследований белорусских историков посвящены либо начальному периоду истории советской цензуры в 1920–1930 гг., либо деятельности Главлита в целом, но история региональных органов цензуры пока еще не была предметом отдельного изучения.

Цель статьи – изучение деятельности Управления по охране государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме в 1953–1987 гг.

Для решения поставленных задач был привлечен документальный материал из Национального архива Республики Беларусь (фонд 1195) и Государственного архива Витебской области (фонд 3991), позволяющий раскрыть сущность и структуру феномена советской политической цензуры. При этом основу работы составили документы Государственного архива Витебской области. Однако репрезентативность материалов архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены, к некоторым описям Национального архива Республики Беларусь нет доступа. Но тем не менее архивные источники, такие как постановления Главлитов СССР и БССР, планы работы Витебского обллита, годовые отчеты, переписка с Главлитом БССР позволяют рассмотреть деятельность органов политической цензуры на региональном уровне.

Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Период «оттепели», наступивший после смерти И.В. Сталина, смягчил цензурные запреты, появилась возможность для обсуждения на страницах газет и журналов острых общественных проблем. Граждане получали относительную свободу для публичного обсуждения политики, которую проводило государство. Постановлением ЦК КПСС «Об упорядочении издательского дела в стране и повышении роли издательств в хозяйственном и культурном строительстве» от 1 августа 1963 г. Главлит был включен в состав вновь созданного Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. В сентябре был создан республиканский Госкомитет, в состав которого вошел Главлит БССР. На несколько лет его роль и статус снизились [2]. Приход к власти Л.И. Брежнева поначалу не изменил положение органов политической цензуры. Более того в 1967 г. группа ученых и представителей творческой интеллигенции в количестве 100 человек подписала документ, в котором ставился вопрос

об отмене цензуры и упразднении Главлита [51]. Однако авторы проекта вовсе не отрицали государственного контроля над печатью. Предлагалось уничтожить лишь обязательную предварительную цензуру, принять закон о печати, четко определяющий цензурные требования, увеличить роль судебных решений, общественного контроля [53]. В числе подписавшихся академики Леонтович, Сахаров, Капица, Кнунянц, писатели Костерин, Каверин, Копелев, композиторы Пейко, Леденев, Каретников, художники Биргер, Жилинский и другие. Указанный документ был адресован Президиуму Верховного Совета СССР [51]. Такого не могла допустить пришедшая к власти команда новых партийных идеологов. В 1968 г. после ввода советских войск в ЧССР этот законопроект был вынесен на заседание Политбюро ЦК КПСС. С его резкой критикой выступил главный идеолог партии М. Сулов, который отметил, что «между отменой цензуры в Чехословакии и вводом советских танков в Прагу прошел всего один год и неизвестно, чи танки и когда будут введены в Москву после отмены цензуры в СССР».

Постановлением Совета Министров СССР от 18 августа 1966 г. Главлит был выведен его из состава Комитета по печати при СМ СССР в самостоятельную структуру – Главное управление по охране государственных тайн при Совете министров СССР. Это было осуществлено и на уровне союзных республик [1, с. 222]. Начальником Главного управления по охране государственных тайн при Совете Министров БССР был назначен А.А. Маркевич [7, л. 20].

В начале 1966 г. в Витебском обллите также начинают происходить изменения, которые можно оценивать как окончание периода «оттепели». Начальник Витебского обллита Петр Васильевич Шепелев, проработавший в органах цензуры около 20 лет был освобожден от обязанностей начальника с 10 января 1966 г. в связи с уходом на пенсию. На его место был назначен Батури Василий Филиппович [5, л. 1]. Он уже в ноябре 1966 г. получил выговор от Главлита БССР: Витебским областным управлением была разрешена к печати и выпущена в свет без указания цены брошюра «Научную организацию труда – каждому предприятию». Кроме того, начальник управления не поставил об этом своевременно в известность Главлит БССР, не сообщил с очередной отчетностью, чем нарушил требования приказа № 44 Главного управления Союза [5, л. 17]. В 1967 г. на Батурина вновь наложено взыскание – выговор. Обллит допустил серьезное нарушение §13 «Перечня» в издании «Мероприятий Витебского Горсовета по достойной встрече 50-летия Советской власти» [23, л. 13]. В издании упоминалось наличие начальников политотделов в Витебском гарнизоне, а подобную информацию опубликовывать в открытой печати и служебных материалах запрещалось. Такое нарушение считалось разглашением государственной тайны. Ошибка обллита была выявлена только в Главном управлении республики [23, л. 8–9]. Неудивительно, что уже в этом же году его на должности начальника обллита сменил И.А. Мандрик, занимавший до этого пост председателя по телевидению и радиовещанию [23, л. 3]. Но еще некоторое время оба бывших начальника, П.В. Шепелев и В.Ф. Батури, временно исполняли обязанности редакторов и осуществляли проверки типографий, музеев, выставок и изопродукции [29, л. 10].

После того как органы цензуры вновь были выведены в самостоятельное учреждение, на обллиты легла ответственность за упорядочение издательской деятельности. Теперь им самим приходилось решать все вопросы [23, л. 30–32].

Деятельность органов цензуры этого периода можно рассматривать как часть механизма торможения общественного развития, пытавшегося хотя бы внешне сохранить лакировочно-благополучный стиль СМИ и официальной культуры. Это требовало все больших усилий – число замечаний, сделанных цензорами по содержанию просмотренных материалов, по мнению В. Матоха, к середине 1980-х гг. возросло в несколько раз [39]. Однако статистическими данными Витебского обллита это не подтверждается (рис.). Действительно, если в 1955 г. было только 41 вмешательство, то в 1966 г. цензоры вмешивались в работу СМИ 99 раз [3, л. 24]. Однако на протяжении «застойного» периода этот показатель не был стабилен, он то увеличивался, то уменьшался. Так, в 1970 г. вмешательств было 74, в 1976 только 52, а в 1985 г. – 71 [33, л. 2]. Цифры же начала периода «перестройки» также не слишком отличались от результатов предыдущего периода: в 1987 г. было совершено 62 вмешательства [22, л. 2]. И только с 1988 г. количество вмешательств резко пошло на спад, уменьшившись до 37, что, видимо, было реакцией на новую политику гласности [23, л. 1–2].

Начальник Витебского обллита И.А. Мандрик по поводу количества вмешательств, указывал своим подчиненным: «Это не показатель нашей работы. Надо добиваться, чтобы их было меньше» [20, л. 2]. Таким образом, с одной стороны, цензоры обязаны были находить в материалах, поставляемых на контроль, хоть какие-то нарушения, чтобы показать свою работу и необходимость их услуг, но с другой – слишком большое количество вмешательств означало бы плохую организационную работу с редакторами газет, радио и телевидения. Для предотвращения проникновения в открытую печать запрещенных сведений проводилась работа с коллективами редакций местных газет, телевидения, радиовещания, с руководителями патентных групп, экспертами-рецензентами, научными работниками промышленных предприятий и организаций, откуда чаще всего поступали заказы на изготовление печатной продукции, а также с ответственными за работу множительной техники [8, л. 2].

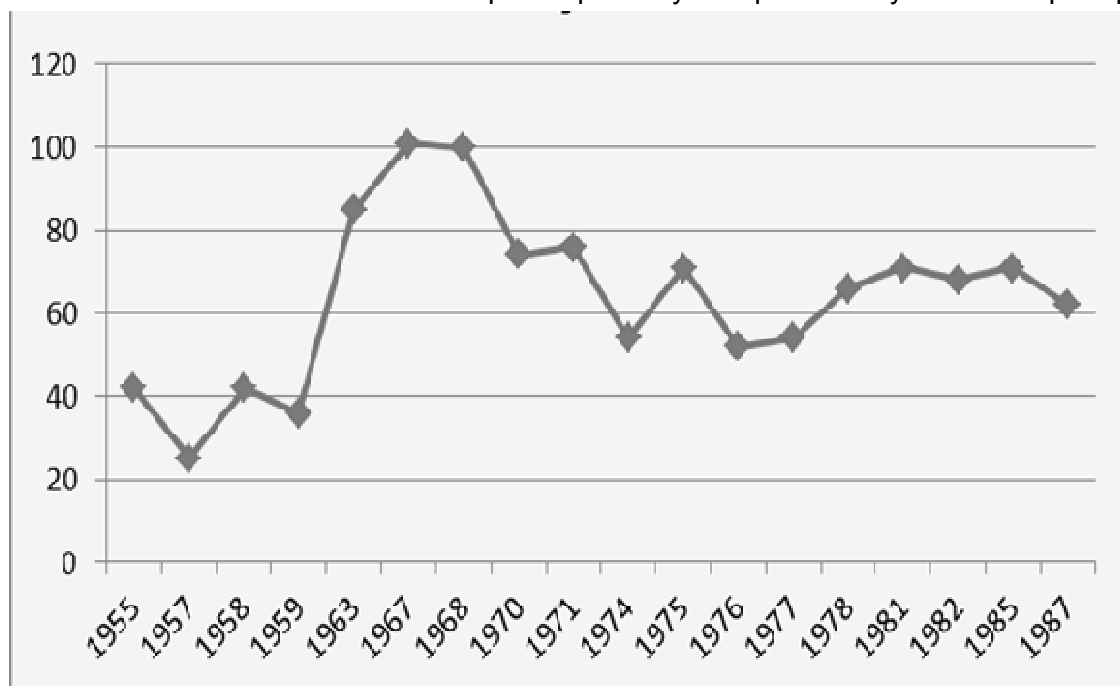

Рисунок. Динамика цензурских вмешательств в Витебском обллите (1955–1987 гг.)

Однако и сами сотрудники Управления продолжали допускать необоснованные вмешательства. Только теперь к этому показателю стали строже относиться. Уровень необоснованных вычерков, превышавший 2% от общего количества вмешательств, считался уже достаточно высоким. Необоснованные вмешательства приводили к необоснованной задержке материалов, подрывали авторитет органов цензуры [25, л. 51]. Главлит БССР начал требовать улучшения изучения ограничений, по которым были сделаны необоснованные вычерки [35, л. 16]. А серьезность своих требований Главное управление подтверждало, наказывая провинившихся сотрудников строгими выговорами [25, л. 51]. Правда, Витебское управление грубых ошибок в этом отношении не совершало и, следовательно, избежало подобного наказания.

Длительное время неблагополучно обстояло дело с предотвращением разглашения запрещенных сведений на областном радио, более того, дело иногда доходило до прямого противостояния работников радиовещания с органами цензуры. Без представления на цензурский контроль передавались в эфир многие материалы. Таким образом, в 1968 г. был передан репортаж о торжествах в честь 25-летия освобождения Лиезны. Работники цензуры ознакомиться с текстом передачи не смогли – его не обнаружили, а пленка с записью была уничтожена. 4 июля 1969 г. по радио была раскрыта величина воинского гарнизона в Витебске. На замечания цензоров работники радиовещания отвечали «грубостью и угрозами» [31, л. 11]. В качестве арбитра выступил областной комитет партии, на заседании которого рассматривался вопрос о нарушениях установленных требований со стороны работников радиовещания [32, л. 4]. Но и после разговора в ОК КПБ отдельные работники радиовещания продолжали «практиковать» передачу в эфир без цензурского контроля, но после подкладывали их в свежие выпуски, чтобы «залитовать» задним числом [31, л. 18–19].

Согласно штатному расписанию в управлении Витебского обллите в 1970 г. работало 4 редактора (цензора) и 1 редактор-уполномоченный по Новополоцку. Ранее действовавший цензурский пункт в Орше был сокращен [30, л. 8]. В 1973 г. в штатном расписании работников стало шесть – прибавился один технический работник, который исполнял также функции кассира [32, л. 14].

В результате недолгого пребывания Главлита в составе Государственного комитета Совета министров СССР по печати ухудшилось его материальное положение [2]. Из-за отсутствия средств не представлялось возможным проверять работу цензоров на местах, а также вызывать их на цензурские занятия [27, л. 10]. И увеличения ассигнований на командировочные и хозяйственные расходы не предвиделось. На каждого работника госучреждений в год должно было расходоваться не более 33 руб. [29, л. 5]. Даже библиотека справочной литературы не пополнялась новыми книгами [27, л. 14]. В 1967 г. Главлит БССР попытался за счет завышенных кредитов на заработную плату компенсировать недостаток средств на канцелярские и хозяйственные нужды. Но незаконное использование денежных средств, предназначенных на выплату заработной платы, было выявлено Главлитом СССР. Начальник и главный бухгалтер Главлита БССР отделались выговором [28, л. 21–24].

В 1974 г. для работников цензурных органов как руководителей, так и рядовых сотрудников, происходят положительные сдвиги. Советом Министров БССР постановлением от 16 июля 1974 г. были установлены с 1 июля должностные оклады отдельных категорий работников печати. А управления по охране государственных тайн в печати при Советах Министров Союзных Республик по своему положению стали пользоваться правами комитетов Советов Министров Союзных Республик. Министерству здравоохранения БССР и облисполкомам было поручено обеспечить лечебное и санаторное обслуживание руководителей Главлита БССР и управлений по охране государственных тайн при облисполкомах наравне с обслуживанием соответствующих руководителей управлений при Совете Министров БССР и облисполкомах. Облисполкомам было поручено обеспечить бытовое обслуживание руководителей управлений по охране государственных тайн в печати с обслуживанием служебными легковыми автомобилями за счет лимитов и бюджетов областей [33, л. 3–4]. Фактически расходы на содержание легковых автомобилей в БССР уже в 1974 г. составили 1950 руб. [41, л. 7]. Это постановление Витебский облисполком выполнил в июне 1974 г. за счет лимита и бюджета, выделив облиту легковую автомашину, а начальник управления был взят на бытовое, лечебное и санаторное обслуживание наравне с обслуживанием соответствующих руководителей управления облисполкомов [34, л. 7].

Постановлением Совета Министров от 21 мая 1974 г. были установлены должностные оклады работников органов по охране государственных тайн в печати: начальник управления II группы области – 280 руб., старший редактор – 150–160 руб., редактор – 120–145 руб. [33, л. 6]. Непосредственно в Витебском обллите зарплата рядовых редакторов (цензоров) составляла 132 руб. 50 коп, старшего редактора 160 руб., уполномоченного по Новополоцку 150 руб. [34, л. 7]. До принятия этого постановления зарплата работников цензуры составляла: начальник управления 250 руб., старший редактор – 115 руб., редактор – 105 руб. [42, л. 1–4]. Если сравнить размер оклад работников органов цензуры с заработной платой рабочих и служащих отраслей народного хозяйства, то она была сравнительно высокой (при средней заработной плате (без дополнительных выплат) в 1970 г. – 106,4 руб., в 1975 г. – 125,5 руб.). Только заработная плата работников транспорта, промышленности и строительства (в 1975 г. – 146, 138 и 154 руб. соответственно) могла сравниться с доходами рядовых работников цензуры [40, с. 138–139]. Работников органов цензуры, как и в других учреждениях советского времени, полагалось за обеспечение лучших показателей в работе премировать денежными премиями [21, л. 4]. Также полагались денежные премии и ценные подарки и по случаю профессиональных праздников. Так в 1982 г., по случаю 60-летия Главлита СССР, кроме благодарности, работники получили денежные премии: редакторы по 25 руб. и один из старших редакторов 30 руб. (учитывая его долголетнюю работу) [14, л. 3]. Так что, когда старший редактор за пропущенные запрещенные сведения в областной газете «Віцебскі рабочы» получил выговор с лишением денежного вознаграждения за квартал, это было весьма существенно для него в финансовом отношении [11, л. 3]. Зарплата же всего цензурского аппарата республики, состоявшего из 59 единиц, обходилась бюджету в 10 250 руб. в месяц, причем большая часть – 6215 руб. приходилась на Главное управление (35 единиц), на областные управления – 4035 руб. (24 единицы) [46, л. 1–2].

Уровень секретности оставался высоким. В начале каждого года проводились проверки наличия секретных дел, а также документальных материалов с грифом «Для служебного пользования» [16, л. 1]. К проверке материалов привлекались оба старших редактора [17, л. 1].

Обллит контролировал все музеи области. Контроль за ними осуществлялся согласно требованиям, изложенным в «Инструкции о порядке цензурского контроля». Все музеи проверялись один раз в квартал. При проверке музеев цензорами давались подробные объяснения о порядке экспонирования экспозиций, о ведении книги отзывов и предложений. Все новые отделы в музеях открывались при соблюдении всех требований цензуры, а пополнение экспозиций и их изменение проводилось только с разрешения обллита. Дирекции музеев строго предупреждались о недопущении разглашения военной тайны в книге отзывов [4, л. 19–20]. В 1970 г. проверены областной краеведческий в Витебске, краеведческий в Полоцке, мемориальный им. К. Заслонова в Орше, «Партизанской славы» в Россонах, «Комсомольской славы» в Оболи, краеведческий в Лепеле. Охватывались проверками экспозиции передвижной выставки Полоцкого краеведческого музея (дважды), временной промышленной при филиале института технической информации и пропаганды Госплана СССР в Витебске. В ходе проведенных проверок работниками управления были удалены сведения в 6 случаях (из книг отзывов музеев им. М. Шмырева и им. К. Заслонова по §§ 10 и 13 перечня, т.к. там раскрывались сведения об условной нумерации воинских частей и наличии нескольких частей в закрытом гарнизоне) [33, л. 5].

Чистка библиотечных фондов от «политически вредной и устаревшей литературы» продолжала оставаться важной частью работы цензоров. Изменения во внешней политике всегда вызывали перестройку в работе органов цензуры. Советская цензура бдительно следила, чтобы общая картина «братской дружбы социалистического лагеря» не пострадала от крамольных идей политических деятелей и представителей интеллигенции восточно-европейских стран [2]. В начале 1970-х гг. сказывалось влияние событий «Пражской весны». Началось изъятие книг, авторы которых имели какое-либо отношение

к событиям в Чехословакии. В 1970 г. был задержан тираж сборника «Формирование научного мировоззрения и нравственного воспитания советских школьников». В статье Л.А. Ступиковой «Пути формирования коммунистического идеала младшего подростка» рассматривались результаты «неправомерно» проведенного социального исследования среди школьников 5-х и 6-х классов об их нравственном идеале, из которых автором были сделаны «политически ошибочные выводы». Но причина была, конечно, не в самих выводах, а в том, что сборник популяризовал книги Ганзелки и Зигмунда, первый из которых был активным участником событий в Чехословакии в 1968 г. и являлся одним из авторов пресловутого манифеста «2000 слов». В этом издании остались без цензурного вмешательства сведения, попадающие под ограничения § 13 перечня, за что работники органов цензуры получили выговор [20, л. 33–34]. «Пражская весна» произвела такое сильное впечатление на руководителей страны, что они не желали больше слышать ни о каких реформах социализма. По этой причине в 1970 г. был изъят из библиотек общего пользования и книготорговой сети сборник статей «Экономические реформы в социалистических странах» (Прага, «Мир и социализм», 1967 г. издания, количество 10 000 экземпляров) [20, л. 55]. Секретным распоряжением начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР П. В. Романова № 1 от 21 января 1971 г. было запрещено цитирование, ссылки и публикация материалов, содержащих статьи, выступления и речи В. Гомулки. Распоряжение было издано на основании указания ЦК КПСС, переданного 21 января 1971 г. заведующим сектором Отдела пропаганды И.И. Чхиквишвили [2].

Начавшаяся в 1970-е годы массовая эмиграция евреев и членов их семей за пределы Советского Союза вызвала мгновенную реакцию цензуры. Стали изыматься книги эмигрировавших авторов. Так, из библиотек общего пользования и книготорговой сети были изъяты книги Х.И. Мальтинского, репатрировавшегося в Израиль в 1973 г.: «На сонечным баку» (на белорусском языке), «На вышине» (на еврейском языке), «Наш хор» (на еврейском языке), издававшиеся тиражами в несколько тысяч экземпляров [43, л. 1].

В конце 1960-х гг. среди предприятий Витебска только радиотехнический завод «Мегом» относился к разряду режимных [31, л. 9]. В 1970-х гг. в Витебске строятся следующие предприятия: Витебский завод технологического оборудования («Эвистор», основан в 1966 г.), завод Электронной вычислительной техники в д. Никрополье, Витебский телевизионный завод. Появление предприятий, информация о которых требовала мер по усилению секретности, без сомнения добавило трудностей в работе работников цензуры [36, л. 8–9].

В конце 1970-х гг. в обллите происходят очередные перемены, связанные с изменением численности работников цензуры. Витебское управление располагало цензорским пунктом в Новополоцке. Здесь проходил предварительный контроль за газетой «Химик», многотиражной газетой Стройтреста №16 «Нефтестрой», «Знамя Новостройки» передачами городского радиовещания, выпуском печатных изданий, поступающих от местных промышленных предприятий и организаций. Работу на этом цензорском пункте осуществлял один человек, пенсионер Великой Отечественной войны, который по состоянию здоровья «не в полной мере осуществлял возложенные на него обязанности». Тем не менее замену уполномоченного другим лицом сочли нецелесообразным. В результате в 1978 г. этот цензорский пункт постигла судьба оршанского, сокращенного в 1970 г. [9, л. 4]. Решение о закрытии цензорского пункта вызывает удивление хотя бы потому, что в 1974 г. в этом городе был открыт политехнический институт, откуда должны были поступать на контроль сложные материалы [33, л. 2]. В связи с упразднением цензорского пункта в Новополоцке, были сняты с предварительного контроля газета «Химик», многотиражная газета Стройтреста №16 «Нефтестрой», «Знамя Новостройки» передачи городского радиовещания (с 20 августа 1978 г.) [7, л. 2]. Результат, конечно, не заставил себя ждать: практически сразу были обнаружены нарушения в новополоцких газетах, что очень встревожило Витебский обллит, так как на протяжении долгого времени подобных фактов не наблюдалось [7, л. 8–9]. А сокращенный старший редактор И.С. Пенкин «за многолетнюю работу в органах Главлита БССР» получил благодарность с занесением в личное дело [6, л. 4]. Лишенное подведомственных звеньев Витебское управление было вынуждено пересмотреть многие структурные вопросы и приложить дополнительные усилия в организации осуществления контроля. Все новые обстоятельства были учтены при составлении годовых мероприятий и задач коллектива, а затем и квартальных планах [10, л. 2].

В 1979 г. вышел приказ Главлита СССР о введении в действие «Инструкции о порядке хранения и использования иностранной литературы». Была усилена работа по организации контроля за соблюдением установленного хранения и использования литературы капиталистических стран [13, л. 7]. Однако на территории Витебской области не имелось библиотек, располагающих спецфондами [12, л. 6]. В 1984 г. проведены проверки библиотек Витебских медицинского и технологического институтов, Новополоцкого политехнического института о порядке хранения иностранной литературы [18, л. 6]. В библиотеки этих вузов поступала литература только по подписке (так, библиотека технологического института выписывала журналы на иностранных языках через библиотеку Белорусского политехнического

института), в основном издания стран социалистического содружества, которые не подлежали цензурскому контролю [16, л. 6].

В 1980-е годы контролю полиграфических предприятий уделялось особое внимание органов политической цензуры, вытекающее из постановления ЦК КПБ от 11 июня 1982 г. «Об использовании и хранении множительной техники в республике» [17, л. 8]. Контроль за соблюдением нормативных требований по издательской деятельности организовывался в плановом порядке и по мере поступления указаний. При возможности проводились комплексные проверки с участием работников разрешительной системы органов МВД, иногда с работниками КГБ [15, л. 6]. Была проведена работа по уточнению наличия в области множительных аппаратов, по составлению и уточнению списков организаций, имеющих технику [15, л. 7]. Согласно полученным данным Витебская область по количеству участков множительной техники (всего 268) на тот момент уступала лишь Минску (всего 685) [44, л. 3]. На участках множительной техники было проведено 46 проверок по соблюдению нормативных требований. Особых нарушений выявлено не было. Однако было установлено, что в Витебском ПО «Химпласт» и Витебском заводе сантехзаготовок техника использовалась без учета действующего порядка: не были получены соответствующие разрешения, отсутствовали «Единые правила печатания несекретных изданий», не производилась регистрация исполняемых заказов. По этим фактам составлены акты органами милиции, представлены материалы на рассмотрение административных комиссий соответствующих райисполкомов. Работа техники была временно приостановлена [15, л. 7].

28 декабря 1982 г. вышло постановление Коллегии Главлита СССР «О штатной численности и нагрузке в местных органах». В управлении по-прежнему оставалось четыре работника, все занимались предварительным контролем. На начальника управления приходилось 559 уч. изд. листов, на редакторов – 784, 720 и 725 соответственно [18, л. 9]. Таким образом, нагрузка редакторского состава была выровнена.

С 1983 г. органы политической цензуры руководствовались постановлением Главлита СССР «О задачах Главного управления, вытекающих из решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС [18, л. 7]. Пленум, состоявшийся 14-15 июня 1983 г., постановил усилить идеологическую работу в связи с резким ухудшением обстановки на международной арене и «небывалым за весь послевоенный период обострением борьбы двух полярно противоположных общественных систем». Фактически постановление гласило, что «против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война» [50, с. 189]. Разумеется, что при таком положении усиление работы органов политической цензуры было неизбежным.

Работа с «Перечнем» всегда вызывала у цензоров сложности, поэтому для облегчения их работы 1 марта 1983 г. был создан методический совет при Главлите БССР, ставший его совещательным органом. В обязанности методического совета вменялось обсуждение наиболее сложных вмешательств, вопросов по документам, поступающим в справочную службу от цензоров и оформление их для постановки перед Главлитом БССР, а также периодические проверки картотеки разъяснений справочной службы [46, л. 3].

В октябре 1983 г. в обллите произошли очередные изменения. И.А. Мандрика на должности начальника управления сменил Кривенок М.Ф., которому было суждено стать последним руководителем обллита, пробыв на этой должности 15 лет [18, л. 4]. Он закончил биологический факультет Смоленского пединститута, а также Высшую партийную школу [54, с. 3].

23 апреля 1985 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. На пленуме с докладом выступил новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев [38, с. 18]. Однако апрельский пленум особых изменений не принес. Цензурные органы продолжали свою работу как ни в чем не бывало. Об отсутствии перемен в деятельности цензурных органов наглядно свидетельствует тот факт, что требования Главлита СССР и Главлита БССР по организации повседневной практической деятельности после апрельского пленума не уменьшились, а, наоборот, возросли [31, л. 1]. Так, Главлит БССР 9 июня 1985 г. направил в Совет Министров БССР записку «О состоянии использования множительной техники в республике». Распоряжением Совета Министров БССР от 16 июля 1985 г. записка была разослана всем министерствам и ведомствам республики с поручением «...принять строгие меры по соблюдению установленного порядка размножения материалов с использованием множительной техники в подведомственных учреждениях и организациях. По-прежнему охватывались проверками все полиграфические предприятия, проверялись все действующие музеи, не менее 80 библиотек [48, л. 1–3].

В декабре 1985 г. Главлит БССР провел совещание-семинар, посвященный усилению идеологической бдительности, было приглашено около 500 человек – редакторы всех газет, журналов, издательств, БелТА, Гостелерадио, Госкино, а также лица, ответственные за печать в министерствах и ведомствах [47, л. 10].

4 сентября 1986 г. Главлит СССР издал приказ № 29с, в котором цензорам было дано указание сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с охраной государственных тайн в печати и информировать партийные органы только о серьезных нарушениях в идеологической сфере [45, л. 10].

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый

Настоящие изменения по ослаблению цензуры начались лишь в 1987 г., после объявления на январском пленуме ЦК КПСС политики гласности. СМИ получили больше свободы, сменились главные редакторы ряда газет и журналов, начали демонстрироваться фильмы с «полки» [37]. В 1987 г. начался пересмотр содержания спецхранов библиотек и возвращение из спецфондов в общие фонды библиотек ранее изъятых по политическим причинам книг. Всего в 1987 г. было возвращено 164 книги [49, л. 8–15].

Заключение. Таким образом, деятельность Витебского обллита была направлена не только на реальную охрану государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, телевидения, музеев, библиотек именно с этих позиций. В период «застоя» не произошло принципиальных изменений в работе цензоров Витебского обллита. Методы работы и объекты контроля в основном оставались прежними. Однако объем и сложность работы обллита по сравнению с периодом «оттепели» увеличились. Это было связано с появлением предприятий, требующих режима повышенной секретности, а также с появлением многочисленных участков множительной техники, проверке которых особое внимание уделял ЦК КПБ. К тому же, в связи с усилением цензуры в стране, требования к работникам цензуры возросли. Цензура мгновенно реагировала на новые требования. Это отразилось в более высоком (в среднем), нежели в период «оттепели», количестве вычерков всевозможного характера.

Еще одной характерной чертой периода было повышение статуса начальников управлений по охране государственных тайн, которые стали обслуживаться наравне с соответствующими руководителями управлений при Совете Министров БССР и облисполкомах, были снабжены служебными легковыми автомобилями за счет лимитов и бюджетов областей. С середины 1970-х годов статус рядовых работников органов цензуры также повысился, их можно отнести к довольно обеспеченным слоям населения. Если ранее зарплата и условия работы вряд ли соответствовали тому уровню ответственности, которая лежала на плечах работников цензуры, то теперь постановления Совета Министров несомненно были направлены на то, чтобы работники органов цензуры были максимально заинтересованы в исполнении своих обязанностей, совершенствовании контроля, повышении личной ответственности за порученное дело.

В то же время продолжилось сокращение подведомственных звеньев и численного состава цензорского аппарата. Однако сокращение цензорского аппарата еще не означало ослабление контроля. В местах, где были сокращены цензорские пункты, нагрузка по выполнению цензорского контроля возлагалась на плечи редакторов, которые стали собственными цензорами и научились со временем самостоятельно справляться с работой, которую ранее выполняли цензоры на местах. К тому же связь с обкомом КПБ, органами МВД, иногда КГБ редакторов газет и других СМИ и увеличение в середине 1970-х годов бюджетных ассигнований на содержание цензурного аппарата позволяли обллиту проводить многочисленные проверки, несмотря на небольшую численность штатных цензоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная шк.; Экоперспектива, 2011. – Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с. ; іл.
2. Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. [Электронный ресурс] / Т.М. Горяева. – М. : РОС-СПЭН. – 407 с. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html>. – Дата доступа: 14. 10. 2014.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 3991. Оп.1. Д. 14.
4. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 17.
5. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 18.
6. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 31.
8. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 32.
9. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 35.
10. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 37.
11. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 38.
12. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 41.
13. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 44.
14. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 45.
15. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 50.
16. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 51.
17. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 54.
18. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 57.
19. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 61.
20. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 63.
21. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 67.
22. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 70.
23. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 17.
24. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 48.

25. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 49.
26. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 50.
27. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 53.
28. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 54.
29. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 55.
30. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 57.
31. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 59.
32. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 60.
33. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 64.
34. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 76.
35. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 82.
36. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 83.
37. Гужалоўскі, А. Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943-1991 г. Беларускі Гістарычны Агляд (2012). Т. 19 Сшыткі 1-2 (36-37) Снежань 2012. [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belhistory.eu/guzaloski-alyaksandr-galoŭlit-bssr-i-palitychny-kontrol-u-1943-1991-g/#more-3149>. – Дата доступа: 25. 02. 2015.
38. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988); Т. 15. 1985-1988. – 9-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1989. – 671 с. – (В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).
39. Матох, В.М. Цензура в БССР [Электронный ресурс] / В.М. Матох. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455/. – Дата доступа: 27. 11. 2014.
40. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г. : стат. ежегодник / ЦСУ БССР. – Минск : Беларусь, 1986. – 240 с.: ил.
41. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – НАРБ. – Фонд 1195. Оп. 1. Д. 109.
42. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 110.
43. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 114.
44. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 137
45. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 150.
46. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 155.
47. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 167.
48. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 171.
49. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 181.
50. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 190.
51. Письмо КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о Проекте закона о распространении, отыскании и получении информации, подготовленном группой ученых и представителями творческой интеллигенции // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. – М. : Изд-во Москов. шк. полит. исследований, 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eartist.narod.ru/text25/009.htm#з_27_д_04. – Дата доступа: 30.12.2014.
52. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии : постановление Пленума ЦК КПСС от 15 июня 1983 г. / Пленум Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. : стеногр. отчет. – М. : Политиздат, 1983. – 222 с.
53. Рейфман, П. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Электронный ресурс] / П. Рейфман. – Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=188044&p=301>. – Дата доступа: 27. 11. 2014.
54. Цэнзар савецкага жыцця : [гутарка з былым галоўным цэнзарам вобласці Міхаілам Фадзевічам Крывёнкам] // Витебский курьер. – 2005. – 22 апр. – С. 3.

**ACTIVITE OF THE VITEBSK REGION ADMINISTRATION DEPARTMENT
OF THE PROTECTION OF STATE SECRETS IN MASS MEDIA IN 1953–1987**

A. KOZLOV

The article centres the activite of Vitebsk Region Administration Department of the Protection of State Secrets in Mass Media (obllit) in 1953-1987. Vitebsk obllit was only formal located at the Region Administration since it close contact with the Regional and District Communist Party Committees. It was the region and Party Committees which Head of obllit addressed in case of contradictory issues or with the request to institutions to improve work on preservation of state secrets. The activite Vitebsk obllit was directed not only to real protection of state secrets but also had ideological and political character and was oriented at strict control of the contents of all the printed product, radio, TV, museums, libraries of the Region from the point of view of these positions.

Keywords: *political censorship, «cross outs», obllit.*